

Сяо Чжоухэн, вернувшись в свою комнату, быстро переоделся в просторный халат и направился в главный зал. Войдя, он огляделся и заметил тринадцатого юного господина Ли Юньгуана, пятнадцатого Ли Юньвэя, восемнадцатого Ли Юньбу и девятнадцатого Ли Юньвана, которые только накануне вернулись из Улина. Обменявшись с ними поклонами, он занял место на боковой скамье. Женщины из резиденции Ли, как и положено, находились в отдельном зале, где и принимали пищу.

Сегодня главный зал был наполнен шумом и весельем. Серебряные лампы и золотые свечи создавали уютную атмосферу, а служанки, неся блюда, одна за другой входили в зал. За облачной ширмой виднелся изящный силуэт, и прекрасная девушка уже начала играть на пипе, исполняя мелодию.

Сяо Чжоухэн узнал, что это знаменитая композиция «Воспоминания о юности», состоящая из пяти частей. Она рассказывала о страннике, вернувшемся домой и проводящем время с семьей и друзьями, что идеально подходило для сегодняшнего пира. В этот момент в зал вошли Ли Юньбу, Лю Хунцю и Лоу Бэйинь, заняв места на почётных местах. Вскоре за ними последовал Цюй Елян, который, обменявшись с Ли Юньбу несколькими словами, также занял место поблизости. Затем появился Ли Чжуннань.

Сяо Чжоухэн, измученный голодом, надеялся, что тосты будут краткими. В этот момент он почувствовал сильный удар по спине, и чья-то рука легла на его плечо. Громкий голос раздался у него в ушах:

— Брат Сяо, давно не виделись!

Резкая боль пронзила его правое плечо, и Сяо Чжоухэн едва сдержал стон. Внутренне он подумал: «Неудача», — но вслух лишь ответил:

— Дунчи, как поживаешь?

Хань Теи громко рассмеялся, и Сяо Чжоухэн хотел напомнить ему, что его место не здесь, но тот уже уселся рядом. Хань Теи был бывшим подчинённым генерала Ли Яньцина, который два года назад был тяжело ранен, защищая его. В благодарность за верность Ли Яньцин предложил ему остаться в резиденции в качестве учителя боевых искусств. Хань Теи был высоким и крепким мужчиной, хвастающимся своими топорами «Свист ветра» и «Переворот луны». Он утверждал, что в одиночку сражался против сотен врагов, защищая Ли Яньцина, и за это получил прозвище «Железный Отец Быстрой Битвы».

Сяо Чжоухэн, однако, скептически относился к этим историям, так как никогда не видел его топоров, а его поведение не соответствовало образу храброго воина. Сейчас Хань Теи, полураздетый, с аппетитом ел баранью ногу, облизывая пальцы, и продолжал разговаривать, хлопая Сяо Чжоухэна по спине.

— Хань Дунчи, — смущённо произнёс Сяо Чжоухэн, чувствуя, как все взгляды обращены на них.

— Что? — Хань Теи, не замечая его дискомфорта, уже тянулся за вторым куском мяса. — Таковую вкуснятину не есть — грех. Если ты не хочешь, я съем за тебя.

В этот момент Ли Юньбу, сидевший на почётном месте, поднял бокал:

— Сегодня я задержался, заставив всех ждать. Прошу прощения, я выпью за свой счёт.

Он осушил бокал и продолжил:

— Сегодня мы рады видеть господина Лю и господина Лоу. Благодаря милости императора наш клан находится под защитой. Этот тост за мир и процветание нашей империи.

После этого он поднялся, чтобы почтить Лю Хунцю и Лоу Бэйинь, которые также встали и ответили на тост. После обмена любезностями Ли Юньи повернулся к Ли Чжуннаню:

— Сегодня мы также встречаем моего восьмого брата, который вернулся домой. За эти годы мы редко виделись, и теперь я хочу провести с тобой всю ночь. Ты ещё не видел наших младших братьев и сестру.

Он указал на Ли Юнью и Ли Юньвана, которые встали и поклонились Ли Чжуннаню.

Ли Чжуннань ответил:

— Спасибо, шестой брат. Я благодарен тебе за то, что ты заботился о семье в моё отсутствие. Этот тост за тебя.

Он выпил бокал и добавил:

— Я видел восемнадцатого брата десять лет назад, когда ему не было и трёх лет. А девятнадцатого брата и сестру вижу впервые.

За ширмой музыкант перешёл ко второй части мелодии, и атмосфера в зале стала ещё более радостной.

Ли Юньи, улыбаясь, поднял бокал и произнёс:

— Красота гор Чжун...

Последний слог он затянул, оглядывая зал.

Все замерли, держа бокалы в руках, только Ли Чжуннань, казалось, не обратил на это внимания, поправив рукав.

Ли Юньи кашлянул и повторил:

— Красота гор Чжун...

На этот раз он обменялся взглядом с Цюй Еляном. Хань Теи, наклонившись к Сяо Чжоухэну, прошептал:

— Брат Сяо, шестой господин, кажется, уже пьян. Всего несколько бокалов, а он уже не в себе.

Сяо Чжоухэн покачал головой, давая понять, чтобы Хань Теи молчал.

Ли Юньи произнёс в третий раз, медленно и с явным опьянением:

— Кра-со-та гор Чжун.

Музыка перешла к третьей части, где хозяин поднимает бокал, приглашая гостей выпить, но в голосе слышалось напряжение.

Ли Чжуннань усмехнулся:

— Красота гор Чжун — это нефритовая чистота. Его свет подобен радуге. Благородный муж носит его как символ добродетели.

Он достал из кармана кусок бархата, в котором лежала нефритовая подвеска, и передал её служанке, которая поднесла её Ли Юньи. Тот внимательно рассмотрел подвеску, и в его глазах мелькнула странная тень — что-то между улыбкой и слезами. Сяо Чжоухэн не мог понять, что это было.

В мире много непонятного: любовь, ненависть, человеческие сердца...

Наконец, Ли Юньи убрал подвеску и сказал:

— Чжуннань, я рад, что ты вернулся.

Сяо Чжоухэн вздохнул с облегчением. Он заметил, как Цюй Елян, обменявшись взглядом с Ли Юньи, уже готов был встать, а его рука легла на пояс.

Он подумал: «Если бы Ли Чжуннань не ответил или у него не было бы подвески, кто знает, что бы случилось...»

— Я, как восьмой сын клана Ли, не смог исполнить свой долг перед семьёй. Теперь, вернувшись, я больше не уеду. Мои дела завершены, и я хочу заботиться о тётушках и воспитывать младших братьев и сестру, пока отец не вернётся с победой.

Не дожидаясь реакции, Ли Чжуннань выпил ещё один бокал. Ли Юньи улыбнулся, но в его глазах читалась горечь. Днём он ничего не говорил об этом, и теперь, при гостях, ему пришлось сдерживаться. Он кашлянул и сказал:

— Это хорошо. Резиденция Ли должна принадлежать тебе, восьмому сыну. Я, как старший сын от наложницы, лишь временно управлял ею.

Ли Чжуннань поспешно возразил:

— Шестой брат, ты ошибаешься. Я не собираюсь оспаривать твоё право на главенство в семье...

Не успел он закончить, как раздался насмешливый голос. Все обернулись и увидели тринадцатого юного господина Ли Юньгуана, скрестившего руки на груди:

— Он не собирается оспаривать? Да брось!

Сяо Чжоухэн снова почувствовал тревогу. Он уже знал Ли Юньгуана — тот был вспыльчивым и задиристым, и его слова всегда вызывали бурю.

— Тринадцатый брат, — начал Ли Юньи, пытаясь успокоить его.

* Цитата из «Похвалы нефриту» Го Пу, эпоха Вэй и Цзинь.